

СЕМАНТИКА ПРАВОВЫХ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНЫ ЕСТЕСТВЕННЫХ ВИДОВ: АРГУМЕНТЫ Д. ПАТТЕРСОНА

Статья посвящена анализу аргументов американского правоведа Д. Паттерсона в отношении применимости к семантике юридического языка терминов естественных видов. На основе правовой концепции Р. Дворкина, подвергнутой аргументированной критике Д. Паттерсоном, рассматриваются особенности формирования и интерпретации правовых понятий. Приводятся аргументы, демонстрирующие содержание методологических подходов Р. Дворкина и Д. Паттерсона к интерпретации семантики правовых понятий, а также их аргументацию в отношении нормативности правовой реальности, объекты которой отображаются в содержании юридических понятий.

Ключевые слова: юридический язык, правовые понятия, нормативность, семантика, естественные виды, факты, правовая реальность.

1. Правовые понятия и семантика естественных видов. Научные труды американского философа права и правоведа Денниса Паттерсона уже давно вносят значительный вклад в развитие аналитической философско-правовой традиции. Начиная свой творческий путь с погружения в философию позднего Л. Витгенштейна [1] и интерпретируя его тезисы и аргументы в контексте юридического языка, Д. Паттерсон в последующие годы уделяет значительное внимание вопросам эпистемологии права [2]. Статья Д. Паттерсона (2006 г.) [3], посвященная критике аргументации Р. Дворкина относительно применимости отдельных философских концепций натурализованной эпистемологии к правовым понятиям, является актуальной в контексте методологической рефлексии о природе правовой реальности.

Паттерсон с самого начала делает оговорку о характере собственного исследования правовых понятий. Ключевой задачей становится проверка тезиса, высказанного Р. Дворкиным, о применимости к семантике правовых понятий концепции терминов «естественных видов», для которой характерна прямая аналогия с естественнонаучной аргументацией. Суть тезиса состоит в том, что у правовых понятий, как и любых других социально-политических понятий, есть «скрытая сущность», объясняющая их функциональное назначение, поскольку «...споры о природе права... есть споры, находящиеся в границах философии языка и метафизики» [3, р. 545]. Установление смысловых связей между правовыми и политическими понятиями, а не обоснование критериев их применения, становится возможным при проведении такой аналогии.

Паттерсон формулирует ряд взаимосвязанных аргументов, демонстрирующих несостоятельность такой аналогии и в целом возможности имплементации концепции терминов «естественных видов» в правовую сферу как несовместимой с функцией осуществления правосудия.

Первый его аргумент состоит в несогласии с аргументом Дворкина о том, что у правовых понятий есть метафизическая и семантическая составляющие, выделение которых возможно лишь в случае применения терминов естественных видов. Если признавать идентичность естественных видов и их универсальность для любых языковых контекстов, то вслед за обнаружением микроструктуры социального явления и прямой отсылки к ней термина естественного вида, будет раскрыта и семантическая сторона правового понятия. Паттерсон полагает, что такая взаимосвязь неочевидна, а во многих случаях методологически ошибочна.

В рамках второго аргумента Паттерсон указывает на отсутствие в теоретической позиции Дворкина какого-либо корректного методологического обоснования. Например, что может быть основанием думать, что между естественными видами и правовыми явлениями существует «поучительное сходство» (instructive similarities)? В концепции Дворкина не содержится ответа на этот вопрос. Кроме того, в силу специфики правовой реальности идея аналогии между аргументацией естественных наук и юриспруденцией не позволяет судьям ориентироваться на сложившуюся прецедентную практику, поскольку содержание правовых понятий каждый раз будет требовать новой интерпретации, не всегда связанной с конвенциями профессионального судейского сообщества [3, р. 547].

Во втором разделе своей статьи *Архимедиаанская юриспруденция Харта* Паттерсон критикует непонимание Дворкиным сущности аргументов современного правового позитивизма и метаэтики. С легкой руки Харта его собственная теория получила название «дескриптивной юриспруденции», что побудило Дворкина назвать его теорию «Архимедовой юриспруденцией» [3, р. 547–548]. В теории Харта правовая система состоит из двух типов юридических правил — первичных и вторичных, которые

выполняют строго определенные функции в системе правового регулирования. Однако Дворкин полагал, что в такой правовой системе невозможен обоснованный вывод о содержании правового или политического понятия. Одни ученые могут высказать мнение, что позиция судьи, изложенная в судебном решении (например, по поводу допустимости аборт или оценки расовой дискриминации), основывается на независимых от человеческого разума моральных фактах, а другие выскажутся относительно оценки эмоций, а не правосудия в целом. Тем самым найти верное и морально оправданное решение не представляется возможным. В данном случае следует отметить, что идея поиска судьей именно морально (а не процессуально или юридически) обоснованного решения составляет один из базовых аргументов теоретической концепции Дворкина.

Вот почему он предлагает иную классификацию правовых норм, к числу которых относятся утверждения первого порядка (нормы материального права), и утверждения второго порядка (нормы процессуального права, раскрывающие процесс реализации норм материального права). Сторонники правового позитивизма увидели в этой классификации отсутствие практической составляющей, ведь вторичные правила в теории Харта утверждают не сущность права в контексте норм материального права (хотя и такой характер соотношения первичных и вторичных правил можно обосновать [4]), а те условия, когда потенциальный субъект права получает возможность реализации своих притязаний (например, на основе воли законодателя). В классификации Дворкина многие политические понятия («справедливое», «свобода») и правовые понятия («конституционное право») относятся к утверждениям первого порядка, но раскрытие их содержания не имеет эмпирического обоснования.

В третьем разделе статьи Паттерсон раскрывает сущность аргументов Дворкина относительно установления содержания правовых и политических понятий. Дворкин полагает, что ни идея об артефактах и культурных образцах, ни обоснование критериев не позволяет определить «глубинную сущность» правовых и политических понятий. Поэтому разумно применить к установлению их значения термины «естественных видов», когда содержание объекта может быть раскрыто через изучение его микроструктуры — например, ДНК (если речь идет о биологическом организме). Лишь при изучении и установлении структуры ДНК, скажем тигра, мы можем определить, что живое существо является именно «тигром», а не другим животным. В социальной сфере правомерно говорить не о физической (биологической) структуре ДНК, а о *нормативной природе* правовых и политических понятий, позволяющей раскрывать их «глубинные связи». Однако за пределы подобной аналогии Дворкин не выходит, упоминая лишь об аналогии «глубинных связей» биологических и химических объектов и социальных явлений. Между тем природа нормативности правовых понятий, в силу которой концептуальный анализ не позволяет применять к ним концепцию причинно-следственных связей [5], нуждается в концептуальном прояснении.

Паттерсон намечает контуры такой концепции в разделе своей статьи *Содержание идеи естественных видов*, подчеркивая ошибочность аналогии аргументов Дворкина. Впервые идея естественных видов была обоснована Дж. Локком в его эпистемо-

логической концепции о реальных и номинальных сущностях. Реальная сущность вещи — это то, что раскрывает ее такой, какая она есть, а номинальная сущность — это значение, позволяющее отличать вещи, принадлежащие к одному виду. Локк, тем не менее, так и не сумел раскрыть содержание номинальных сущностей, поскольку в науке эпохи Нового времени еще не было достаточных методологических средств для изучения микроскопической структуры вещей, но в дальнейшем классификация сущностей в эпистемологии изменилась. Так, например, Х. Патнэм предложил раскрывать содержание терминов естественных видов через выделение следующих свойств: *синтаксический маркер* (число, род), *семантический маркер* (естественный вид, состояние), *стереотип* (цвет, вкус и т.д.), *экстенционал* (это диспозитивный апостериорный компонент, например, молекулярная структура какого-либо вещества). Сам же Паттерсон до конца не определился с ответом на вопрос, являются ли естественные виды объектами физического мира, или же объектами более широкого порядка (в частности, ненаблюдаемыми идеализированными объектами в структуре научной теории).

Он лишь делает ряд оговорок к концепции Патнэма, которые оказываются важными с точки зрения критики подхода Дворкина:

1) несмотря на полное совпадение первых трех компонентов, значение некоторых сравниваемых веществ может быть нетождественным (например, вода на планете Земля с химической формулой H_2O , и вода на воображаемой планете Земля-Двойник с формулой XYZ, которые обладают одинаковыми характеристиками, но являются разными веществами);

2) сообщество говорящих может использовать конкретный термин, не придерживаясь закрепленного за ним значения (например, смешивая в бытовом словоупотреблении лук или чеснок, которые относятся семейству лилейных, и лилии), а потому без сопоставления сравниваемых объектов использование принципа аналогии преждевременно;

3) вещество, которое не отвечает определенным стереотипам реальной сущности, тем не менее, может обладать свойствами такой реальной сущности;

4) научные открытия приводят не к изменению значения термина, а к изменению понимания того, какие объекты этот термин означает.

В итоге Паттерсон приходит к выводу, что существование объектов внешнего мира не зависит от разума, и для этого не требуется верить исключительно в скрытую сущность естественных видов [3, p. 551–552]. В условиях отсутствия понимания того, чем является термин естественного вида, распространение закономерностей функционирования одних явлений на другие необоснованно. Паттерсон отмечает, что выступает «против редуccionистского подхода сторонников теории естественных видов и тех, кто... пытается решать теоретико-правовые проблемы на основе семантики естественных видов» [3, p. 551–552].

2. Теория судебного решения и моральный реализм. В следующем разделе своей статьи *Ахиллеова пята реализма* Паттерсон обращает внимание на то, что Дворкин в целом избрал неверный подход к обоснованию теории естественных видов применительно к возможности выявления скрытой сущности правовых и политических понятий. Отсутствие методологического согласия в области морали и политики представляет собой своеобразную

«ахиллесову пяту» морального реализма. Именно этот подход, по мнению Паттерсона, подрывает теорию Дворкина о существовании нормативной сущности правовых и политических понятий, ведь единого подхода к решению вопроса об их ценности не существует. Например, каким может быть метафизическое, логическое и нормативное обоснование теории естественных видов? Что собой представляет аналогия «нормативной ДНК» и каково ее соотношение с «биологической ДНК»?

Метаэтический спор по вопросу о том, что мы имеем в виду, когда говорим, что суждение по тому или иному моральному понятию является правильным, уже завершено. Дворкин, не вступая в споры из области метаэтики, не раскрывает логику своего рассуждения относительно того, почему применение аналогии биологических явлений к гуманитарным явлениям (политическим и правовым понятиям) является априорно допустимым. Отказ продемонстрировать единственно верную позицию не является доказательством отсутствия единственно верного решения как такового, отмечает Паттерсон, но отсутствие какого-либо обоснования говорит об избыточности (бесполезности) суждения, но не о его ложности [3, р. 553]. В последующем разделе статьи *Проблема соответствия* Паттерсон обращает внимание на то, что избранный Дворкиным подход отвечает стилю и духу написания многих его научных работ. Вместе с тем нет необходимости создавать еще один новый подход, называя его «естественным» и «объективным», когда эти критерии никак не раскрываются.

В теории судебного права известно, что интерпретация (толкование) и истребование (сбор) доказательств — это две характеристики судебного процесса. В двух своих работах *О правах всерьез* (1977 г.) [6] и *Империя права* (1986 г.) [7] Дворкин использует последовательный методологический подход, который состоит в использовании только *интерпретационной модели* судебного процесса и отказе от второй ее составляющей (представления доказательств). Поэтому остается открытым вопрос, учитывает ли Дворкин возможные изменения своей позиции по поводу доказательств в свете применения терминов естественных видов?

В своих рассуждениях о нормативной сущности политических и юридических понятий Дворкин использует метод интерпретации, в рамках которого справедливость становится не ключом к распространению принципа независимости, а скорее свойством осуществления правосудия. При этом он останавливается именно на так называемой «натуральной модели», утверждая, что «объективная моральная реальность... не создана человеком или обществом... человек открывает [ее] подобно законам физики» [3, р. 553; ср. с этим: 6, с. 222]. Кроме того, Дворкин позиционирует свою концепцию как объективную, которая не зависит от субъективного понимания значения того или иного суждения. Политические и другие ценности распространяются практически на все, что характеризуют термины естественных видов. Политические ценности реальны: физики помогают нам познать свойства воды, а философы — сущность свободы. Или, как пишет Паттерсон: «политический философ занимается "открытием", а не "изобретением". Политический философ не говорит о том, что... является лучшей... интерпретацией практики. Скорее в процессе интерпретации он обнаруживает содержание и смысл ценностей, сущность которых ожидает своего от-

крытия» [3, р. 555]. Любая новая теория должна иметь свое обоснование. При вынесении судебного акта судья должен выявить истинное значение той или иной правовой концепции. Каждая последующая интерпретация должна учитывать существовавшую до этого практику в обществе не потому, что она давняя, а потому, что она по своей сути является верной. Именно поэтому судьи должны показать процесс того, как они пришли к тому или иному выводу. Такие утверждения Дворкина, по мнению Паттерсона, с трудом могут быть согласованы с центральным положением его теории судебного решения как лучшей моральной интерпретации действующей системы права, и в заключительной части статьи он подчеркивает бесперспективность подобного подхода Дворкина.

3. Правовые практики, проблема следования правилу и нормативная природа права. Полемика двух известных аналитических философов права оставляет, тем не менее, открытым вопрос о границах применимости отдельных эпистемологических и семантических концепций к правовой реальности.

Подход самого Паттерсона в исследуемой статье (2006 г.) не является до конца прозрачным и ясным. Основываясь на интерпретации проблемы следования правилу Витгенштейна, Паттерсон в своих исследованиях последовательно обосновывал свое понимание социальной практики, задающей контекст следования правилам. Так, он отмечает, что овладение правилом — это часть овладения техникой, а техника является частью социальной практики, института или обычая. Тем не менее, согласно Витгенштейну, должна существовать внутренняя связь между правилом и действиями, которые согласуются с этим правилом [8, р. 940]. Однако правила не существуют вне общества (и вне сознания индивида), а многократность повторения действия приводит к образованию обычая, который и становится правилом.

Прагматический подход Паттерсона содержит определенное теоретическое обоснование. Так, он опирается на следующее определение практики Дж. Ролза: практика — это «любая форма деятельности, определяемая системой правил, которая определяет должности, роли, наказания, защиту и т.д., а также придающая деятельности ее структуру» [8, р. 951]. В отличие от остальных видов практики, практика применения правил (правоприменение) предусматривает оценку поведения субъекта посредством ссылки на правовые нормы, содержащие правила, — то есть правила воплощены в правовых нормах и «открыты» для всех. Именно это является существенным отличием практики применения закона от какой-либо иной социальной практики. Тем самым Паттерсон видит связь между тем, что позволяет субъекту понять *правилосообразность* своих действий, и тем, как грамматика может определять сами действия субъекта. Если язык — результат общественного соглашения, на первый взгляд кажется, что первичен консенсус. Однако с течением времени язык перестал нуждаться в этом консенсусе, поскольку не требуется «получения согласия» новых субъектов на использование этого языка на определенной территории. Этот консенсус достигнут задолго до появления их субъектности. Безусловно, такой подход аргументирует первичность «грамматики» правила в определении соответствия действия правилу, хотя само правило и определяет это соответствие.

Паттерсон выдвигает тезис о том, что понимание значения правовой нормы — это вопрос понимания цели правила в рамках правоприменения, при котором юридический аргумент всегда направлен на построение цели или обоснования правового предписания. Поэтому Витгенштейн «не зашел достаточно далеко в признании того, что суть в грамматике, а не в мире, как думал Аристотель» [8, р. 956]. Необходимо, чтобы материальные элементы мира удовлетворяли социальный запрос, а концептуальная форма разграничивает, что является формой, а что — нет. Иными словами, форма права определяет его социальное и лингвистическое содержание.

Паттерсон обращает внимание на тот факт, что формальные элементы права позволяют установить значение нормативного предписания, что особенно важно при применении норм права. Само значение нормативного предписания позволяет установить ответы на такие вопросы, как, например, в чем суть правила, почему законодатель принял тот или иной правовой акт и каковы основания для включения конкретной нормы в закон. Не зная формального элемента, суд, которому предстоит применить правило, может только догадываться о его значении.

Паттерсон приходит к выводу о том, что значение правовых норм неопределенно вне обстоятельств их применения, но значение правовых терминов понятно и без рассмотрения обстоятельств. Поскольку в мире существуют различные правовые семьи, в которых важное значение принадлежит судебному прецеденту, появляется возможность описания процесса применения той или иной нормы в конкретных обстоятельствах, тем самым смысл правовой нормы сразу воспринимается в контексте практической деятельности.

Таким образом, Паттерсон стремится обновить прагматический подход к пониманию права, обосновывая тезис о том, что «право — это институциональный форум для продвижения аргументов (нарративов) о том, как нам жить» [8, р. 956]. Однако в его споре с Дворкиным такое определение права, в свою очередь, попадает в дихотомию физикализма и релятивизма, из которой обеим сторонам спора выйти так и не удалось.

Библиографический список

1. Patterson D. Wittgenstein on Understanding and Interpretation (Comments on the Work of Thomas Morawetz) //

Philosophical Investigations. 2006. Vol. 29, no. 2. P. 129–139. DOI: 10.1111/j.1467-9205.2006.00283.x.

2. Patterson D. Normativity and Objectivity in Law // William & Mary Law Review. 2001. Vol. 43, no. 1. P. 325–363.

3. Patterson D. M. Dworkin on Semantics of Legal and Political Concepts // Oxford Journal of Legal Studies. 2006. Vol. 26, no. 3. P. 545–557. DOI: 10.1093/ojls/gql017.

4. Дидикин А. Б. Онтология и эпистемология права в неопозитивизме Г. Харта // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2014. Т. 12, № 2. С. 44–49.

5. Дидикин А. Б. Логика «чистого познания» и концептуальное осмысление принципа причинности в нормативизме // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 1. С. 103–107. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-1-103-107.

6. Дворкин Р. О правах всерьёз / пер. с англ. Л. Б. Макеевой. Москва: РОССПЭН, 2004. 392 с. ISBN 5-8243-0569-2.

7. Дворкин Р. Империя права / пер. с англ. С. Моисеева. Москва: Институт Гайдара, 2020. 592 с. ISBN 978-5-93255-579-8.

8. Patterson D. Law's Pragmatism: Law as Practice & Narrative // Virginia Law Review. 1990. Vol. 76, no. 5. P. 937–996. DOI: 10.2307/1073154.

ДИДИКИН Антон Борисович, доктор философских наук, кандидат юридических наук, профессор факультета права департамента теории права и междисциплинарных юридических дисциплин.

SPIN-код: 4897-4450

ORCID: 0000-0003-0808-8900

AuthorID (SCOPUS): 56308857400

ResearcherID: C-7039-2018

Адрес для переписки: abdidikin@bk.ru

Для цитирования

Дидикин А. Б. Семантика правовых понятий и термины естественных видов: аргументы Д. Паттерсона // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 2. С. 94–98. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-2-94-98.

Статья поступила в редакцию 17.02.2021 г.

© А. Б. Дидикин

SEMANTICS OF LEGAL CONCEPTS AND NATURAL KIND TERMS: D. PATTERSON'S ARGUMENTS

The paper is devoted to the analysis of the arguments of the American legal philosopher Dennis Patterson regarding the applicability of the natural kinds terms to the semantics of the legal language. Based on the Ronald Dworkin's theory of law, reasonable criticized by D. Patterson, the features of the formation and interpretation of legal concepts are considered. Arguments are presented that demonstrate the content of R. Dworkin and D. Patterson's methodological approach to the interpretation of the semantics of legal concepts as well as argumentation regarding the normativity of legal reality, the objects of which are displayed in the content of legal concepts.

Keywords: legal language, legal concepts, normativity, semantics, natural kinds, facts, legal reality.

References

1. Patterson D. Wittgenstein on Understanding and Interpretation (Comments on the Work of Thomas Morawetz) // *Philosophical Investigations*. 2006. Vol. 29, no. 2. P. 129–139. DOI: 10.1111/j.1467-9205.2006.00283.x. (In Engl.).
2. Patterson D. Normativity and Objectivity in Law // *William & Mary Law Review*. 2001. Vol. 43, no. 1. P. 325–363. (In Engl.).
3. Patterson D. M. Dworkin on Semantics of Legal and Political Concepts // *Oxford Journal of Legal Studies*. 2006. Vol. 26, no. 3. P. 545–557. DOI: 10.1093/ojls/gql017. (In Engl.).
4. Didikin A. B. Ontologiya i epistemologiya prava v neopositivisme Kharta [Ontology and Epistemology of Law in legal positivism of H. L. A. Hart] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. NSU Bulletin. Series: Philosophy*. 2014. Vol. 12, no. 2. P. 44–49. (In Russ.).
5. Didikin A. B. Logika «chistogo poznaniya» i kontseptual'noye osmysleniye printsipa prichinnosti v normativizme [The logic of «pure knowledge» and conceptual understanding of principle of causality in normative] // *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2020. Vol. 5, no. 1. P. 103–107. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-1-103-107. (In Russ.).
6. Dworkin R. O pravakh vser'yez [Taking Rights Seriously] / Trans. L. B. Makeeva. Moscow, 2004. 392 p. ISBN 5-8243-0569-2. (In Russ.).

7. Dworkin R. *Imperiya prava* [Law's Empire] / Trans. S. Moiseyev. Moscow, 2020. 592 p. ISBN 978-5-93255-579-8. (In Russ.).

8. Patterson D. Law's Pragmatism: Law as Practice & Narrative // *Virginia Law Review*. 1990. Vol. 76, no. 5. P. 937–996. DOI: 10.2307/1073154. (In Engl.).

DIDIKIN Anton Borisovich, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Law, Professor of Faculty of Law, School for Theory of Law and Cross-sectoral Legal Disciplines.

SPIN-code: 4897-4450

ORCID: 0000-0003-0808-8900

AuthorID (SCOPUS): 56308857400

ResearcherID: C-7039-2018

Correspondence address: abdidikin@bk.ru

For citations

Didikin A. B. Semantics of Legal Concepts and Natural Kind Terms: D. Patterson's Arguments // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2021. Vol. 6, no. 2. P. 94–98. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-2-94-98.

Received February 17, 2021.

© A. B. Didikin